

Проблема предмета эстетики

Демидов А. Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

В культурологии и искусствоведении видную роль играют понятия и концепции, разрабатываемые в эстетике как философской науке. Сама же эстетическая наука ныне затрудняется с определением себя, своего предмета и соответствующих ему методов. Следствием этой неопределенности является длительное отсутствие прогресса в разработке фундаментальных эстетических концепций и наличие множества локальных исследований, собранных, как кусочки в лоскутном одеяле, под общим названием «эстетика». Эстетическая наука затрудняется с определением своего предмета. Следствием этой неопределенности является длительное отсутствие прогресса в разработке фундаментальных эстетических концепций. Цель предлагаемого исследования – наметить путь к определению предмета эстетики и развитию фундаментальной теории в этой области науки. В статье сделан критический обзор классических и современных дефиниций эстетики. Они анализируются с точки зрения наличия в них каллоцентризма, тавтологии, эклектизма. Констатируется, что гносеологизм эстетики мешает ей встать на собственную основу. Проводится различие между актами познания и эстетического оценивания.

Свойства предметов мы распознаем, а наши оценки мы придаем. Прекрасное не является свойством предмета, постигаемым в актах познания, но является значением, которое мы придаем предмету. Осуществляется дихотомия между оцениванием вкусовым (эстетическим) и смысловым (рассудочным). Предметом эстетической науки являются ментальные акты вкусового оценивания.

Ключевые слова: предмет эстетики, прекрасное, гносеологизм, аксиология, вкусовое оценивание.

(Искусство и культура. — 2012. — № 2(6). — С. 40-52)

Problem of the subject of aesthetics

Demidov A. B.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P. M. Masherov», Vitebsk

In cultural and art studies the notions and concepts, which are developed in aesthetics as a philosophy science, play a prominent role. While the science of aesthetics itself has difficulties in defining itself, its subject and the corresponding methods. The consequence of this uncertainty is long term lack of progress in working out fundamental aesthetic concepts as well as presence of plentiful local studies which are collected under the title of aesthetics like pieces in patchwork. The aim of the study is to show the way to the definition of the subject of aesthetics and to the development of the fundamental theory in this field of science. The science of aesthetics has a problem in the definition of its subject. This uncertainty results in long term lack of progress in working out fundamental aesthetic concepts. The article critically revises classical as well as contemporary definitions of aesthetics. They are analyzed from the point of view of the presence in them of callocentrism, tautology, eclectics. It is stated that the gnosology of aesthetics prevents it from having its own basis. The acts of cognition and aesthetic appraisal are differentiated. We differentiate features of objects while we attach our appraisals. The beautiful is not the feature of an object, which is achieved through the acts of cognition, it is a notion we attach to an object. Dichotomy takes place between the gustatory appraisal (aesthetic) and the sense one (mind). The subject of the science of aesthetics is mental acts of gustatory appraisal.

Key words: subject of aesthetics, the beautiful, epistemologism, axiology, gustatory appraisal.

(Art and Culture. — 2012. — № 2(2). — P. 40-52)

Впредшествовавшие столетия у эстетиков было больше уверенности в формулировании сути своей науки. Философские размышления о таких предметах, как красота, гармония и т. п., относимых к области эстетики, начались давно, едва ли не с зарождения античной философии, но выделение эстетики в особую науку про-

изошло в середине XVIII века, когда А. Баумгартен опубликовал труд под названием «Aesthetica». Баумгартена можно образно назвать хотя и не «отцом» эстетики, поскольку данное направление исследований уже существовало задолго до него, но ее «крестным отцом», т. к. он «окрестил» эту науку. Определил он ее следующим об-

разом: «Эстетика (теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасно мыслить, искусство аналога разума) есть наука о чувственном познании» [1, 452]. Явным недостатком этой формулировки является совмещение ряда аспектов исследования чувственности, которые не связаны логикой единой теории, а собраны эклектично.

Цель статьи – выявление пути к определению предмета эстетики и развитию фундаментальной теории в этой области науки.

Классическая трактовка понятия. И. Кант вслед за Баумгартеном использовал слово «эстетика» для именования одного из разделов своей философской системы. Но у Канта эстетика не является наукой о прекрасном, возвышенном, совершенном или еще чем-то в этом роде. По его убеждению, в качестве части научной системы может выступать только такая эстетика, которая опирается на априорные принципы. Такова «трансцендентальная эстетика» – раздел теории познания. Кант определил ее как «науку о правилах чувственности вообще» в отличие «от логики, т. е. науки о правилах рассудка вообще» [2, с. 90]. Под чувственностью здесь понимается способность души получать представления в результате внешних воздействий (аффицирования). Таким образом, здесь термин «эстетика» имеет отчетливо выраженный *гносеологический смысл* и указывает на *чувственное познание* в его отличии от рассудочно-понятийного познания.

Что же касается употребления слова «эстетика» у Баумгартена и тех, кто за ним последовал, то Кант заметил, что они называют эстетикой то, что у других называется «критикой вкуса». Но напрасно, по мнению Канта, Баумгартен понадеялся, что сможет возвысить свою эстетику до уровня науки, пытаясь подвести критическую оценку прекрасного под принципы разума. Поэтому лучше оставить слово «эстетика» для такого учения, которое действительно является научным [2, с. 63–64], а таковым Канту представлялась его «трансцендентальная эстетика» как наука об априорных принципах чувственности – пространстве и времени.

В заметках Канта к лекциям по логике имеется еще более конкретное высказывание по указанному поводу: «Философ Баумгартен во Франкфурте составил план

эстетики как науки; но лишь Хоум правильно назвал эстетику *критикой*, ибо она не дает правил *a priori*, которые достаточно определяли бы суждение, как логика, но добывает свои правила *aposteriori*, а эмпирические законы, по которым мы познаем менее совершенное и более совершенное (прекрасное), превращает в более общие только путем сравнения» [3, с. 270].

Здесь следует напомнить, что наукой в полном смысле слова Кант признавал лишь такую систему знаний, которая основана на априорных принципах. «Всякое учение, если оно *система*, т. е. некая совокупность познания, упорядоченная сообразно принципам, называется наукой...» [4, с. 248–249]. Но при этом «наукой в *собственном* смысле можно назвать лишь ту, достоверность которой аподиктична...» [4, с. 249], т. е. основывается на логической необходимости. В противном случае «целое не заслуживает в строгом смысле названия науки, почему химию и надлежало бы называть скорее систематическим искусством, чем наукой» [4, с. 249]. В этом отношении «наука всегда должна быть догматической, т. е. должна давать строгие доказательства из верных априорных принципов...» [2, с. 34]. Наконец, «во всяком учении о природе науки в собственном смысле имеется лишь столько, сколько имеется в ней априорного познания...» [4, с. 252].

Посему Кант настаивал на том, что он занимается не эстетикой вообще, как наукой, а «критикой вкуса», или «критикой способности суждения» (особо его интересовала критика способности *эстетического* суждения в отличие от суждения логического или телеологического). Что же является *предметом* этой критики? Ответ на этот вопрос достаточно отчетливо сформулирован в следующем высказывании: «Обладает ли *способность суждения*... своими априорными принципами, конститутивны ли они или только регулятивны... и предписывает ли она чувству удовольствия и неудовольствия... априорные правила... – этим занимается данная критика способности суждения» [5, с. 7]. Более дифференцированно можно было бы сказать, что *объектом* кантовской «эстетики» является способность суждения, а сама эта способность исследуется на *предмет* наличия у нее априорных принципов, определения их характера (конститутивного или регулятивного)

и выявления априорных правил для чувства удовольствия и неудовольствия.

Таким образом, Кант соответственно своему трансцендентализму исследовал не предметы/вещи с точки зрения их отношения к «прекрасному», «возвышенному», «совершенству» и т. п., а только способности души к эстетическим суждениям о вещах.

Если кантовскую трактовку предмета «эстетики» вышелушить из контекста и осмыслить непросто, то Г. В. Ф. Гегель обозначил предмет эстетики с подкупающей определенностью и внятностью. С этого определения и его разъяснения как раз начинаются гегелевские «Лекции по эстетике»: «...Ее предметом является обширное царство прекрасного; строже говоря, предметом эстетики является область искусства и притом не всякого, а именно изящного искусства» [6, с. 1]. Далее идут разъяснения, что термин «эстетика» не совсем подходит для обозначения указанного предмета, так как Гегель намерен вести речь не о чувственности вообще, а только об изящном искусстве, и не о прекрасном вообще, а только о прекрасном в искусстве. Поэтому наиболее точное обозначение излагаемой дисциплины – «философия искусства» или «философия изящного искусства». Тем не менее, Гегель полагает уместным и название «эстетика», так как это слово уже прижилось, а вопрос о названии для него не столь уж принципиален.

Но почему Гегель так заузил предмет эстетики, сведя его только к искусству, к прекрасному в искусстве? Это мотивировано опять-таки вполне внятно. Суть дела в том, что эстетика Гегеля сосредоточена на изучении феномена «прекрасного», а оно в полной мере присуще продуктам искусства, но не природы: «...Красота в искусстве стоит выше красоты в природе. Ибо красота в искусстве является красотой, порожденной и вновь порождаемой духом, и насколько дух и его произведения стоят выше природы и ее явлений, настолько также и красота в искусстве стоит выше красоты в природе». И еще: «...Прекрасное в природе является лишь отражением красоты, принадлежащей духу, является несовершенным, неполным видом красоты, таким видом красоты, который по существенному своему бытию содержится в самом духе» [6, с. 2].

На чем покоится уверенность Гегеля в превосходстве духа над природой и, соот-

ветственно, красоты искусства над красотой природы? На том, что природа – это всего лишь инобытие идеи [6, с. 25], всего лишь отчужденный от себя дух [6, с. 26], результат отпадения идеи от самой себя [6, с. 30]. Посему «все духовное лучше какого бы то ни было продукта природы» [6, с. 31]. Красота для природы самой по себе несущественна, поскольку природа не создает саму себя и своих красот, лишь для духа и в духе красота является не потенциальной, а действительной, не только в себе, но и для себя. «...Природно прекрасное живое существо не прекрасно для самого себя, равно как и не произведено из самого себя как прекрасное и ради прекрасного явления. Красота в природе прекрасна лишь для другого, т. е. для нас, для воспринимающего красоту сознания» [6, с. 128].

Данные Кантом и Гегелем в духе субъективного и объективного идеализма трактовки предмета эстетики и важнейших ее понятий повлекли реминисценции в подавляющем большинстве последующих определений. Материалистические трактовки принципиально отличаются от них акцентированием отражательного характера эстетических отношений человека к миру: прекрасное, возвышенное, трагическое, комическое и т. п. существуют в объективной реальности и отображаются в человеческой психике, хотя и по-разному – в зависимости от особенностей психического и культурно-исторического развития индивидов и обществ.

Современные трактовки предмета эстетики. Появилось ли к настоящему времени что-либо принципиально новое в понимании предмета эстетики? С одной стороны, существенного прогресса не видно: в публикациях последнего времени фигурируют все те же известные категории в качестве главного средоточия эстетической мысли. Новизна же обычно заключается лишь в добавлении нюансов, привносимых со свеженатоптанных магистралей мысли, как, например, эволюционной биологии, семиотики, теории информации, синергетики. С другой стороны, заметно усилилась потребность в расширении предметного поля эстетики. Правда, эта потребность выражается не столько в теоретических обоснованиях, сколько в эмпирических и интуитивных восприятиях перемен в современной жизни. Недостает общей фунда-

ментальной эстетической теории, которая давала бы основу множеству «локальных эстетик».

Сходное понимание состояния современной эстетической науки высказывают многие авторы, например, Н. Б. Маньковская: «Границы эстетики чрезвычайно расширились, утратили четкость очертаний. В результате во многом изменились представления о предмете эстетики» [7, с. 87], а «эстетика раздробилась на множество “эстетик”» [8, с. 8].

Сделаем эскизный обзор определений предмета эстетики, встречающихся в современной литературе. Для лучшей обзорности и сравнимости мы рассмотрим определения предмета эстетики с точки зрения наличия в них: 1) каллоцентризма, 2) попыток уклонения от каллоцентризма, 3) тавтологии, 4) эклектизма. У одного и того же определения могут быть несколько из этих признаков, так что определение одного и того же автора может быть упомянуто в разных рубриках.

Для удобства обозначения здесь вводится вспомогательный термин «каллоцентризм» (от κάλλος = красота; κάλόν = прекрасное, красота), т. е. сосредоточение на феномене красоты или прекрасного. Кстати, Гегель упоминал, что термин «каллистика» когда-то предлагался как альтернатива термину «эстетика» [6, с. 1].

1. Каллоцентризм. Современные определения предмета эстетики нередко, следуя классическим традициям, делают акцент на феномене «прекрасного» или «красоты» как средоточия эстетической мысли.

В специальном словаре «Эстетика» дается следующее ее определение: это – «наука о природе и закономерностях эстетического освоения действительности, о творчестве по законам красоты (Маркс)» [9, с. 416].

Также на прекрасном фокусируется определение Л. Н. Столовича: «Эстетика... – отрасль философского знания, теоретически исследующая такое ценностное мироотношение, которое прежде всего характеризуется категорией “прекрасное”...» [10, с. 698].

Каллоцентрическим является определение И. Н. Титаренко: «Эстетика как наука изучает специфический, неутилитарный способ познавательного отношения человека к миру, основанный на понимании прекрасного» [11, с. 6].

Основополагающую роль прекрасного подчеркивает О. А. Кривцун: «Строго говоря, все здание эстетической науки строится на единственной категории прекрасного» [12, с. 7].

2. Попытки уклонения от каллоцентризма. Здесь представлены определения предмета эстетики, как бы уклоняющиеся от каллоцентризма. В них нет явного указания на прекрасное как средоточие эстетической мысли, но по сути дела они все же остаются привязанными к нему. Вместе с тем, эти определения не выглядят и тавтологическими, поскольку не сводят предмет эстетики просто к «эстетическому».

У ряда авторов имеются объяснения мотивов отклонения эстетики от каллоцентрической орбиты. Так, М. С. Каган писал о постепенном расширении предмета эстетики, что «если еще в начале прошлого века ее определяли обычно как философию красоты, то сейчас она рассматривается как философское исследование эстетической культуры во всем многообразии конкретных проявлений эстетического, ибо выяснилось, что «эстетосфера» не сводится к одной только красоте, но охватывает широкий спектр ценностных свойств реального мира и его художественного удвоения в творениях искусства...» [13, с. 35].

Мотивацию, побуждающую к уклонению от каллоцентризма, отчетливо высказала В. И. Самохвалова, писавшая, что «именование эстетики наукой о прекрасном можно считать некоей условностью или символической метафорой» [14, с. 8]; что «истолкование эстетики как теории красоты или философии искусства сужает ее предмет...» [14, с. 11]. В качестве альтернативы пониманию эстетики как «теории красоты» В. И. Самохвалова предлагает следующее: «...Эстетика может быть определена как наука об общих законах организации выразительных форм, будь то произведение искусства или мир как целое в его единстве, коль скоро они могут быть чувственно восприняты и оценены со стороны их человечески ценностного содержания. Предметом эстетики в таком подходе становится все сущее, взятое в определенном модусе восприятия. Этот подход к пониманию эстетики в определенной степени опирается на идеи Б. Кроче и К. Фосслера, рассматривавших эстетику как науку о выражении...» [14, с. 19].

Итак, эстетика здесь представляется как «наука о выражении», «законах организации выразительных форм». Но слову «выражение» придается слишком широкое значение, размытое и неопределенное. В нормальном словоупотреблении под «выражением» подразумевается некое чувственно воспринимаемое явление, производимое неким существом и позволяющее другим существам понимать незримые непосредственно переживания и мысли. Если «позади» явления не предполагается некая психическая активность, то оно ничего не выражает, хотя и может рассматриваться в качестве результата или проявления чего-то иного как его предпосылки или причины. Вид звездного неба может кого-то восхищать, тем не менее, он, по-видимому, ничего и никого не выражает. Можно, конечно, допустить, что вид вселенной выражает умысел Творца, но такое допущение не может быть верифицировано наукой. Можно было бы сказать, что вид вселенной выражает некие объективные законы организации сущего, но таковые законы в силу своей объективности не являются субъектами, наделенными психикой и, таким образом, никому и ничего «выражать» не могут, а просто существуют без всяких умыслов и намерений. Или, к примеру, К. Малевич, несомненно, своим «Черным квадратом» стремился кому-то нечто выразить, но выражает художник, а не чернота сама по себе, хотя бы и замкнутая в квадратные границы. Мы можем с некоторой условностью говорить о произвольных и неосознанных «выражениях», например, что в глазах зверя отразился испуг. Но в самом прямом смысле «выражение» – это явление, задействованное в коммуникативном акте, намеренно совершаемом одним существом для его понимания другим; при этом подразумевается, что обе стороны коммуникативного взаимодействия обладают психикой. Ввиду вышесказанного «все сущее», которое В. И. Самохвалова предлагает считать предметом эстетики, не может рассматриваться как чьи-то «выражения», т. е. средства коммуникативных актов. Предложение В. И. Самохваловой могло бы быть осмысленным при условии, что «все сущее» является осуществлением Божьей воли, но такое допущение принципиально лежит по ту сторону компетенции науки.

В. И. Самохваловой все же не удалось уйти от привязки предмета эстетики к прекрасному. При тщательном анализе ее суждений видно, что на самом деле она лишь попыталась доказать, что в качестве эстетических явлений должны рассматриваться не только человеческие произведения, а и природные «выразительные формы» и в этом смысле – «все сущее». Но эти природные формы (наряду с формами человеческих произведений) В. И. Самохвалова опять-таки полагает подлежащими оценке на предмет их принадлежности к прекрасному или безобразному. Весь пафос (средоточие) статьи заключается в стремлении показать, что природные вещи, как и человеческие творения, некоторым образом организованы, и поэтому они могут представляться прекрасными или безобразными по мере целесообразности их организации. В этом суть предлагаемого «организационного подхода к пониманию красоты» [14, с. 14], «подхода к красоте как к организации» [14, с. 17]. В конце концов, В. И. Самохвалова утверждает: «Действительно, основная категория эстетики – красота...» [14, с. 22]. Таким образом, каллоцентрическое понимание предмета эстетики здесь остается в силе.

Напоследок нужно еще заметить, что в высказываниях В. И. Самохваловой имеется смешение понятий, которые И. Кант тщательно различил и развел, а именно понятий «эстетического суждения» и «телеологического суждения». Напомним, что «эстетическое суждение» основывается на чувстве «удовольствия и неудовольствия», тогда как «телеологическое суждение» основывается на рассудке. Так вот, суждение об организации, совершенстве, гармоничности чего-либо – это «телеологическое суждение», а не эстетическое. Эстетическое суждение, так сказать, «понятия не имеет» об организации или гармонии и лишь утверждает, что нам нечто по вкусу или не по вкусу, тогда как выявление организованности или гармоничности – это уже результат понятийного анализа, а не интуитивно-вкусовой оценки. Такой понятийный анализ нацелен уже не на эстетический феномен как таковой, а автор, исследующий организацию или гармонию, выходит за рамки эстетики в область телеологии.

В определении предмета эстетики, которое предложил В. В. Бычков, нет бук-

вального упоминания о прекрасном. Сама дефиниция похожа на матрешку, у которой вслед за ближайшей обширной формой открываются все более компактные и менее детализированные подобию: «Эстетика – это наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к реальности (любого типа – природной, предметной, духовной), изучающая специфический опыт ее освоения: глубинного контакта с ней, начинающегося с конкретно чувственного – зрительного или слухового – восприятия определенного класса объектов. В процессе (и в результате) этого опыта человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях восторга, неопишуемой радости, катарсиса, духовного наслаждения полную гармонию своего Я с Универсумом, свою органическую причастность к нему в единстве его духовно-материальных основ. Он достигает сущностной нераздельности с ним, реально переживает абсолютную полноту бытия как неопишуемое блаженное состояние и получает существенный заряд духовной энергии, духовно обогащается. Или короче: эстетика – это наука о неутилитарных субъект-объектных отношениях, в результате которых субъект через посредство особого класса объектов достигает абсолютной личной свободы и полноты бытия. Или несколько по-иному: эстетика – это наука о таком опыте освоения реальности, который основан на созерцании или выражении в чувственно воспринимаемой форме абсолютных ценностей, не поддающихся адекватному словесному выражению, но явленных субъекту в переживании им сопричастности полноте бытия; или совсем коротко: эстетика – это наука о гармонии человека с Универсумом» [15, с. 37].

Причину уклонения от упоминания о «прекрасном» В. В. Бычков разъясняет довольно обстоятельно, показывая, что ею «стала почти полная девальвация категории прекрасного» [16, с. 155]. Эта девальвация началась с романтиков и последователей Гегеля, получила дальнейшее развитие в авангардизме, модернизме, постмодернизме. В конце концов, проблема прекрасного ввиду тщетности попыток рационального объяснения этого феномена стала в XX в. вообще уходить из дискуссионного поля.

Взамен понятия «прекрасного» В. В. Бычков, солидаризируясь с другими эстети-

ками, предлагает использование понятия «эстетического» как «наиболее общей, более широкой, чем прекрасное, категории» [16, с. 155]. Оно – «как бы метакатегория». Остальные категории – прекрасного, безобразного, возвышенного – представляются «более конкретными модификациями эстетического».

Любая попытка определить эстетику посредством понятия «эстетического», естественно, вызывает подозрение насчет наличия порочного круга, тавтологии, о чем еще пойдет речь ниже. В. В. Бычков как бы отклоняет подобное подозрение, пытаясь дать содержательное, не тавтологическое наполнение «эстетического» и говоря о нем как об особом «опыте», «который сводится к специфической системе неутилитарных взаимоотношений субъекта и объекта, в результате чего субъект получает духовное наслаждение (эстетическое удовольствие, духовную радость, достигает катарсиса, блаженного состояния и т. п.)» [16, с. 156]. Однако упомянутое «духовное наслаждение» опять-таки оказывается все тем же переживанием «прекрасного», что отчетливо видно из следующего высказывания автора: «И все это выражается в конечном счете в неопишуемом духовном (эстетическом) наслаждении, которое он (субъект. – А. Д.) только и может обозначить как “прекрасное”» [16, с. 198]. Выходит, что В. В. Бычков в своей дефиниции предмета эстетики всего лишь уклонился от использования слова «прекрасное», заменив его описанием переживания прекрасного. По сути дела получилась каллоцентрическая дефиниция предмета эстетики, завуалированная умолчанием слова «прекрасное».

Отметим также, что в последней, самой краткой формулировке дефиниции В. В. Быčkova («эстетика – это наука о гармонии человека с Универсумом») уже почему-то не упоминается «чувство» или «переживание» (собственно, отличительный признак эстетических феноменов), но осталась только «гармония», т. е. нечто объективное, постигаемое рассудком, а не вкусом и, следовательно, относящееся уже к телеологии, а не к эстетике (как и в случае с рассмотренным выше определением В. И. Самохваловой).

3. Тавтология. В определениях эстетики и, соответственно, ее предмета нередко имеет место тавтологический «порочный

круг». Подобное наблюдение высказала И. Н. Титаренко: «...до настоящего времени предмет эстетического исследования нередко определяют тавтологически, утверждая, что эстетика изучает “эстетическое отношение человека к действительности”, “эстетические ценности”, “эстетическое вообще” и т. д.» [11, с. 9].

О. В. Буткевич, критикуя трактовку «эстетического» как внешнего, «объективного» качества действительности, заметил, что такая трактовка непременно приводит к тавтологическому порочному кругу. «Эстетическое» идентифицируется следующим образом. Если некий предмет «эстетичен» (является прекрасным, возвышенным, трагическим и т. п.), то мы испытываем по отношению к нему «эстетическое» чувство. Т. е. «эстетический предмет – тот предмет, который вызывает эстетическое чувство; а эстетическое чувство – это такое чувство, которое вызывается эстетическим предметом» [17, с. 47].

Примером тавтологии являются вышеупомянутые суждения В. В. Быčkova. Хотя непосредственно в его дефиниции эстетики нет утверждения, что предметом эстетики является «эстетическое», тем не менее, в дальнейших пояснениях говорится, что «главной категорией, фактически определяющей предмет эстетики, ... является эстетическое», а под ним подразумевается «та сфера субъект-объектных отношений, в которой восприятие объекта или представление о нем сопровождается бескорыстным, незаинтересованным удовольствием» [16, с. 154–155]. В другом месте сказано еще более определенно: «ЭСТЕТИЧЕСКОЕ – наиболее общая категория эстетики, метакатегория, с помощью которой обозначается предмет эстетики и выражается сущностное родство и системное единство всего семейства эстетических категорий» [18, с. 456–466].

Тавтологическое определение сформулировал Ю. Б. Боров: «Эстетика – философская наука... о природе эстетического...» [19, с. 13].

Еще одним примером тавтологии является определение Л. Н. Столовича, утверждавшего, что «предметом изучения для эстетики является “эстетическое”» [20, с. 34]. Он пояснил, что этот термин «обозначает сокращенно эстетическое отношение человека к действительности»,

а «эстетическое отношение» есть «отношение к тому, что вызывает чувства, эмоции» [20, с. 35]. Таким образом, у Л. Н. Столовича получается как раз та самая тавтология, о которой говорил уже упомянутый О. В. Буткевич.

4. Эклектика в современных определениях предмета эстетики тоже не редкость. Ее наличие можно было бы объяснить некоей небрежностью авторов, не отшлифовавших свой интеллектуальный продукт до возможной степени логичности и изысканности. По существу же эклектизм в определениях является свидетельством отсутствия цельной теоретической системы у авторов, ведь только теоретическая система обеспечивает органичное единство воззрений на предмет.

Одним из выразительных примеров эклектики может служить следующее определение: «Эстетика – философская наука о сущности общечеловеческих ценностей, их рождении, бытии, восприятии и оценке, о наиболее общих принципах эстетического освоения мира в процессе любой деятельности человека, и прежде всего в искусстве, о природе эстетического и его многообразии в действительности и в искусстве, о сущности и законах творчества, о восприятии, функционировании и развитии искусства» [19, с. 13]. Здесь представлены сразу несколько предметов без указания логической связи между ними. Автор просто перечислил в одной формулировке то, о чем обычно рассуждают эстетики – о ценностях вообще и эстетических ценностях в частности, об искусстве, о творчестве. В результате определение получается похожим на творение слона-живописца из басни С. В. Михалкова.

Рассмотрев характерные черты классических и современных трактовок предмета эстетики, далее мы заострим внимание на состоянии распутья (сомнения, колебания, выбора) между ориентациями эстетики на гносеологию или аксиологию и наметим перспективу выхода из него.

Эстетика и теория ценностей. Воспользовавшись распространенным (и туманным) термином «эстетическое отношение к действительности», зададимся вопросом, является ли это отношение познавательным или оценивающим? Нам представляется, что состояние распутья эстетики обусловлено тем, что она, во-первых, склонна

по традиции рассматривать эстетические акты как преимущественно познавательные – лишь с «примесью» оценивания. Между тем, оценивание принципиально отличается от познания и не является всего лишь его аспектом. Сохраняющийся гносеологизм эстетики мешает ей встать на собственную, «автохтонную» основу. Во-вторых, аксиология, теория ценностей, которая могла бы стать теоретической основой, «метатеорией» эстетики, сама еще находится в младенческом состоянии и страдает все той же детской болезнью гносеологизма, осложненной идеализмом.

Вследствие непонимания существенной разницы между актами познания и оценивания «эстетическое» искали и ищут там, где его нет, – в вещах и познавательных актах. Но даже если бы теоретическая эстетика сегодня переориентировалась на аксиологию как свою «метатеорию», то нынешняя аксиология пока не готова исполнять роль надежной опоры хотя бы уже потому, что до сих пор она не сумела отчетливо различить два принципиально разных, хотя и генетически связанных друг с другом, способа оценивания: вкусовое (эстетическое, чувственно-эмоциональное) и смысловое (рассудочное).

Мысль о несовпадении познания и оценивания забрезжила в эстетико-телеологических медитациях Канта. Об этом свидетельствуют высказывания в «Критике способности суждения». Например: «суждение вкуса не есть познавательное суждение, <...> а эстетическое суждение» [5, с. 40]; «эстетическое суждение, <...> не есть познавательное суждение» [5, с. 128]; «суждение вкуса – не познавательное суждение» [5, с. 138]; «суждение вкуса направлено на предметы чувств, но не для того, чтобы определить их понятие для рассудка, ибо оно не познавательное суждение» [5, с. 181]. Вместе с тем, Кант писал об эстетических суждениях, что «хотя сами по себе они ничем не способствуют познанию вещей, они все-таки принадлежат только познавательной способности» [5, с. 8]. Значит, по Канту, эстетическое суждение, или суждение вкуса, все же входит в состав именно познавательной способности (*Erkenntnisvermögen*), не будучи познавательным суждением. Каким образом эстетические суждения, не являясь познавательными, тем не менее «принадлежат

только познавательной способности»? По-видимому, Кант имел в виду то, что удовольствие субъекта, испытываемое им при восприятии предмета и служащее основой и отличительной чертой эстетического суждения, выражает «не что иное, как соответствие объекта познавательным способностям» [5, с. 31], вызывает «оживление его познавательных способностей» [5, с. 60]. Т. е. так называемое «удовольствие» служит стимулятором, возбудителем «познавательных способностей», хотя само оно не является познавательным актом. Все-таки подобные высказывания Канта трудны для понимания, да и сам он сознавался в этом, как бы извиняясь перед читателями в предисловии к «Критике способности суждения»: «...Трудность, связанная с решением проблемы, столь запутанной самой природой, послужит, как я надеюсь, извинением некоторой неясности в ее решении, полностью избежать которой оказалось невозможным...» [5, с. 9]. Как бы то ни было, ясно, что в трактовке Канта способность «эстетического суждения» осталась частью, хотя и какой-то странно-чужеродной, познавательной способности.

Следует заметить также, что хотя Кант отличал способность вкусового или эстетического суждения от познавательного или телеологического, все-таки речь шла о суждении, и это тоже мешает осознать разницу между познанием и оцениванием. На двусмысленность кантовского термина «суждение» обратил внимание А. В. Гулыга, заметивший, что «термин “способность суждения” нуждается в уточнении» [21, с. 387], и пояснивший далее, что слово *Urteil* изначально и буквально значит «приговор», но также оно стало впоследствии у Лейбница означать и часть силлогизма, а у Канта стало сопрягаться еще и с чувственной оценкой. Таким образом, одним и тем же словом «суждение» (*das Urteil*) обозначены и познавательные, и оценочные акты, но они, как будет сказано далее, принципиально различны. Решающего понимания принципиальной разницы между ними Кант так и не достиг. Лишь спустя полвека после кончины гиганта философии эпохи модерна у Лотце и неокантианцев сформировалась уверенность в том, что «ценность» – некий совершенно особый «предмет», не вполне подводимый под теоретико-познавательные (гносеологические) понятия.

Рецидивы смешения познания и оценивания имеют место и поныне. К примеру, Л. Н. Столович писал о познании-оценивании через дефис, как будто бы о чем-то неслиянном и нераздельном: «...Эстетическое мироотношение осуществляет одновременно и познание, и оценку действительности. Оно познавательно-оценочно. Познавательно-оценочный характер эстетического отношения к явлениям действительности как раз и выражается в том, что мы познаем и оцениваем эти явления как прекрасные или безобразные, возвышенные или низменные, трагические или комические» [20, с. 19]. По этому поводу хотелось бы заметить, что говорить о неслиянности и нераздельности трансцендентного и непостижимого триединого Творца – это по-своему уместно, но научный анализ того посястороннего феномена, который у Л. Н. Столовича называется «эстетическим мироотношением», все же требует снять мнимую нераздельность, которая оказывается камнем на пути развития эстетической теории.

По-видимому, М. С. Каган мог бы отличить эстетическое оценивание от познания, поскольку он критиковал гносеологизм в эстетике, т. е. истолкование «эстетического отношения» как познавательного, или «отражательного». Например, он писал: «... Господствовавшая с середины 30-х годов и жестко задогматизированная точка зрения проистекала из того же примитивного «гносеологизма» советской философии, выросшего из сведения всего ее содержания к изложенной в книге В. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” теории познания... Опрокинутая на искусство, теория познания, интерпретированная в духе ее понимания В. Лениным, приводила к выводу, что оно есть “способ познания” действительности, подобный науке и отличающийся от нее всего только образной формой познания...» [13, с. 13]. М. С. Каган подчеркивал, что «модальность эстетической ценности – красоты, величия, трагизма, поэтичности и т. д. – не онтологическая, а аксиологическая...» [13, с. 68]. Казалось бы, что, несмотря на присутствие тавтологии в последнем суждении (указание на «аксиологическую модальность» ценности), М. С. Каган отличил эстетическое оценивание от познания; вернее, здесь виден «намеки» на то, что эстетические достоинства

вещи не могут быть познаны в ней так же, как ее пространственно-временные параметры и физико-химические свойства. «... Содержательная форма конкретного предмета, – писал М. С. Каган, – является носителем эстетической ценности, но не самой этой ценностью, ибо форма предмета имеет онтологический статус, она существует объективно, вне и независимо от субъекта, его потребностей, интересов, сознания, тогда как ценность есть категория аксиологическая, характеризующая значение объекта в жизнедеятельности субъекта. <...> Те свойства предметной формы, которые мы эстетически воспринимаем и оцениваем (ритм, цветовые и звуковые отношения и т. д.), взятые сами по себе, не являются эстетическими» [13, с. 129]. Казалось бы, почва для понимания разницы между познанием и оцениванием подготовлена.

Однако, несмотря на попытки выделить собственно «эстетическое» в его отличии от онтологического и гносеологического аспектов действительности, М. С. Каган все же не рискнул признать без обиняков, что эстетическое оценивание не есть познание, а оставил возможность для сглаживания острых углов: «...эстетическая оценка немыслима без своеобразного познания предмета, однако не понятийного, а интуитивного характера, так как соотношение его формы с его содержанием есть акт познания, в какой бы форме это познание ни осуществлялось» [13, с. 126]. Таким образом, ожидание, что у М. С. Кагана мы найдем ясное понимание того, что эстетическое оценивание принципиально отличается от познания, не оправдалось.

Итак, от Канта и доныне мысль о непринадлежности эстетической активности к компетенции гносеологии только брезжит в умах эстетиков, не достигая полуденной ясности. Уже вполне заметно стремление эстетиков апеллировать не столько или хотя бы не только к теории познания, но и к теории ценностей, аксиологии. Однако сама аксиология пока остается в настолько младенческом состоянии, что не дает эстетикам адекватного теоретического инструментария для разрешения фундаментальных проблем эстетической теории.

Здесь неуместно изложение основ разрабатываемой автором этой статьи принципиально новой теории ценностей, называемой для обозначения ее специфики «дифферен-

ной теорией ценностей». Однако представляется уместным высказать усмотренное с позиций этой теории различие между эстетическим оцениванием и познаванием.

Когда мы говорим, что данная вещь имеет тот или иной цвет, вкус, запах, вес, форму, мы высказываем познавательное суждение, т. е. утверждаем или отрицаем наличие у данной вещи тех или иных свойств. Когда мы говорим о вещи, что она красивая или некрасивая, трагическая или комическая и т. п., то кажется, будто речь идет опять о свойствах данной вещи. На самом деле во втором случае мы говорим о новизнах своих переживаний по поводу вещи, о том, какие эмоции мы испытываем в связи с ней (или остаемся равнодушными к ней). Речь идет преимущественно (хотя и не только) о том, нравится или не нравится нам она, по вкусу или не по вкусу, любима или нелюба (так – слитно – это слово пишется в словарях В. И. Даля и Д. Н. Ушакова; ср. у Н. А. Некрасова, «Кому на Руси жить хорошо»: «Нелюбо и на старые, / Больней того на новые / Деревни им глядеть»).

В обыденной речи познавательные и оценочные суждения часто смешиваются; например, высказывание о предмете, что он сладкий или горький, можно воспринимать и как суждение о свойствах этого предмета, и как его вкусовую оценку: слово «сладкий» может употребляться как синоним слова «приятный», а «горький» – как «неприятный». Однако, сказать о предмете, что он сладкий, значит, высказать познавательное суждение, а не дать ему оценку; сладкое же может быть как приятным, так и неприятным. Свойства предметов мы распознаем, а наши оценки мы придаем.

Когда мы говорим о предмете, что он прекрасный или безобразный, возвышенный или низменный, трагический или комический, то мы высказываем свою эстетическую оценку, а не знание о нем – мы высказываемся о самих себе, о том, какие эмоциональные переживания мы испытываем (любо – нелюбо, весело – печально и т. п.), а не о свойствах предмета.

Оценить предмет – значит придать ему некоторое значение, проявить к нему некоторое небезразличие, пристрастие. Свойства предмета мы познаем, причем можем делать это вполне бесстрастно, тогда как значения, или оценки, мы придаем, приписываем, навешиваем на предмет как яр-

лык извне, проявляя свою пристрастность к нему.

Проведя различие между чувственным познанием и чувственным оцениванием, мы можем отметить двусмысленность слова «вкус»: посредством вкуса можно как познавать, так и оценивать, но это разные акты. Пробуя на вкус, мы можем распознать, что напиток горьковатый, и при этом оценить, что он приятный или хотя бы в какой-то степени возбуждающий.

Ввиду охарактеризованного различия между чувственным познанием и чувственным оцениванием мы полагаем, что «прекрасное» (и т. п.) не является свойством того или иного предмета, постигаемым в актах познания, но является значением, которое мы придаем предмету, вырабатывая наше к нему отношение в актах вкусового оценивания.

Формулируя это утверждение, можно сослаться на солидарное с ним суждение известного чешского эстетика Я. Мукаржовского: «Эстетическое само по себе не является реальным свойством вещей и не имеет прямой связи с какими-либо их свойствами» [22, с. 53]. Аналогична позиция О. В. Буткевича: «...Кроме качеств физических, химических, биологических и т. п., никаких специально эстетических качеств в конкретных предметах и явлениях, вызывающих ощущение красоты, не присутствует» [17, с. 44].

Об актах оценивания следует заметить, что они могут быть разного рода. Прежде всего, нужно провести дихотомию между оцениванием вкусовым (чувственным, эстетическим) и оцениванием смысловым (рассудочным). При смысловом оценивании мы придаем вещам то или иное значение не потому, что они возбуждают или не возбуждают эмоциональные переживания, нравятся нам или не нравятся, а потому, что мы рассудком сознаем ту роль, которую они играют в некоторой системе. Если мы дорожим некоей системой (например, семейных, дружеских или корпоративных отношений), а какой-либо ее элемент, хотя он эстетически и привлекательный (прекрасный, очаровательный, возвышенный), вредит ценимой нами системе, то возникает конфликт и дифференциация между оценками эстетическими и смысловыми. Явления этические, товарно-меновые, технико-функциональные предполагают смысловое оценивание. Хотя к ним может

примешиваться (в смысле одновременно-го параллельного протекания) и вкусовое оценивание.

Мысль о том, что «эстетическое» неразрывно связано с «ценностями», «оцениванием», сегодня получила широкое признание среди эстетиков. М. С. Каган справедливо заметил, что «эстетике остается лишь исследовать отличие эстетических ценностей от всех иных» [13, с. 68]. Да вот только специфика эстетического, вкусового оценивания по сравнению с другими видами оценивания так и не была отчетливо понята.

Смысловое оценивание, в отличие от вкусового (эстетического), опирается на познание и предшествующий жизненный опыт, а не на непосредственное переживание очарования или отвращения. Смысловая оценка чего-либо может быть усвоена от других людей и «взята на вооружение» без каких-либо чувственно-эмоциональных переживаний, так что в ней не будет ничего эстетического. Смысловая оценка может опираться на личный опыт индивида, когда-то связанный с переживаниями, прекрасными или какими-то иными, но в дальнейшем эта оценка может обуславливать линию поведения человека, его устремлений и уклонений уже чисто рассудочно, без какой-либо эстетики.

Также и познание гармоничности чего бы то ни было – это вполне рассудочное, не эстетическое понимание. Вид паразитов, вроде глистов, не вызывает очарования, хотя познание этой разновидности живых существ способно убедить нас в том, что они гармоничны, им свойственна системная организованность (органичность, целостность), их строение вполне целесообразно. Греческое слово *ἀρμονία* означает скрепление, связь, слаженность, соразмерность, стройность. Эти свойства предметов познаются и определяются интеллектом, а не чувством. Нечто безобразное, низменное, ужасное может быть не менее гармоничным, чем прекрасное или возвышенное. Нельзя от познания гармоничности предмета умозаключать к его эстетической значимости или ценности.

Эстетическое очарование неким предметом нередко побуждает задуматься о причинах этого переживания и искать, исследовать, познавать причины, «скрытые сущности», «законы», как бы «стоящие по-

зади» явления и обуславливающие эстетический эффект. Но эти познавательные усилия вторичны, так сказать, производны от эстетических переживаний, а их результаты – «познание скрытых сущностей» – сами по себе не вызывают никаких эстетических эффектов.

Неразличимость вкусового и смыслового оценивания характерна для древнего мышления. Показательно понятие калокагии, которое и по сию пору нередко истолковывается как «идеал» древних греков. Более адекватным представляется следующее пояснение: «Это составное этически-эстетическое понятие – своего рода кентавр. И так же как представление о коне-человеке могло существовать во времена мифологической древности, точно так же и понятие “прекрасно-доброе” могло иметь значение только для эпохи, в которой этическое и эстетическое сознание было, по сути дела, синкретичным, единым» [23, с. 100]. В самом деле, в изначальном выражении *καλὸς καὶ ἀγαθός*, которое превратилось в слово *καλοκαγαθία*, союз *καὶ* скорее следует понимать не как просто «и», а как «но также и». То есть *καλοκαγαθία* можно истолковать не как «прекрасный и хороший» или «красивый и добрый», а как «не просто красивый, но и хороший». Т. е. здесь как бы подразумевается, что «красивый» еще не значит «хороший», подразумевается, не получая ясного выражения, различие вкусового и смыслового оценивания.

Чем более зрелым становится человек по мере своего развития, тем сильнее у него эстетическое оценивание ограничивается смысловым. На это обстоятельство указывал С. Кьеркегор, полагая, что человек сначала погружен в эстетическое существование, затем он может дорасти до следующей стадии – этического существования, а затем и до религиозного. Подразумевается, соответственно, мотивация поведения чувственно-эмоциональная, рассудочная и абсурдная. Коллизия между эстетическим (вкусовым) и этическим (смысловым) оцениванием может заостряться до их полного взаимоисключения «либо – либо», обоюдной аннигиляции, когда человеку придется принимать единственный, неотменяемый и безвозвратный поступок, исходя либо из эстетического переживания, либо этического рассуждения, либо, когда приходит отчаяние от неразрешимости ситуа-

ции, – просто из абсурда.

В чем преимущества упомянутой дифферентной теории ценностей как основы для разрешения фундаментальных проблем теоретической эстетики? Она объясняет, как что-либо становится для нас значимым. Этого до сих пор не смогла сделать ни одна из предлагавшихся аксиологических концепций. Значимым в аспекте вкусового оценивания является не только прекрасное, но также и безобразное, смешное, печальное, ужасное, нелепое, болезненное и т. п. Значимо и «приятное/неприятное», которое было «элиминировано» Кантом из сферы эстетики. Оттенки и нюансы эстетически значимых феноменов неисчерпаемы. Не только то, что, по Канту, имеет априорные основания, но вообще все, что эмоционально небезразлично нам, или, точнее, все акты вкусового оценивания (т. е. придания значений на основании вкуса) принадлежат к сфере эстетики. Эстетика, основанная на дифферентной теории ценностей, не сводится к «прекрасному», не ставит его в центр, избавляется от каллоцентризма, как и от идеализма. Дифферентная теория ценностей не нуждается в понятии «идеала»: в мышлении и действиях мы стремимся не к идеалу, а к сравнительно лучшему. Направленность всех устремлений человека (и вообще живых существ) всегда определяется дифферентом к лучшему. (Слово «дифферент», заимствованное из морской терминологии, означает осевой наклон судна относительно горизонтальной плоскости.) От названия этого универсального принципа устремлений живых существ образовано и название новой аксиологической концепции. Понятие о «посюстороннем» дифференте к лучшему, всегда присутствующем в качестве побудителя всякой активности, – это альтернатива метафизическим «ценностям», догматически постулируемым в других аксиологических концепциях. Дифферентная теория ценностей не нуждается в «отнесении к ценностям» и отклоняет идеализм.

Итак, эстетика, основанная на эскизно очерченной здесь дифферентной теории ценностей, снимает эстетический идеализм (и вообще всякий ценностный идеализм), полагающий, что оценивание возможно лишь путем соотнесения с «идеалом», «соотнесения с ценностью»; снимает сосредоточение эстетической мысли на

феномене прекрасного (каллоцентризм); снимает редуцирование эстетики к теории художественного творчества, искусства; снимает требование неутилитарности (незаинтересованности, бескорыстности) как критерия «эстетического»; снимает противопоставление «прекрасного» «приятному» (по Канту); снимает претензию на эстетическую исключительность человека (в его противопоставлении другим живым существам, якобы неспособным к вкусовым переживаниям и различениям).

За рамками этой статьи остается еще множество вопросов, на которые требуют ответить знатоки эстетики, опирающиеся на понятия, выдвинутые в предшествующей истории эстетической мысли, прежде всего, Баумгартеном, Кантом, Гегелем, марксистами и другими мыслителями. Например, спросят: разве присутствует «дифферент к лучшему» в таких эстетических феноменах, как «трагическое и комическое»? Ответ заключается в том, что в любом стремлении к эмоциональным переживаниям подразумевается стремление к лучшему. Ведь, в конце концов, как заметил Б. Хюбнер, лучше стремиться к чему-то, чем не стремиться ни к чему [24]. Эту мысль Б. Хюбнера можно переформулировать так: лучше быть эмоционально побуждаемым хоть чем-то, чем не побуждаемым ничем. Когда нас ничто не возбуждает, включается последний, крайний двигатель поступков: *horror vacui* (лат.) – «страх пустоты», эмоциональной пустоты, отсутствия эмоциональных побуждений.

Высказанные соображения в силу ограниченности статейного формата имеют лишь эскизный характер. Тем не менее, охарактеризовав различие, во-первых, познания и оценивания, во-вторых, оценивания вкусового и смыслового, мы имеем основные данные для формулировки определения предмета эстетической науки. Процедура логического определения понятия требует указания, во-первых, на ближайший род, к которому относится это понятие, во-вторых, на видовое отличие определяемого понятия от прочих понятий, относящихся к тому же роду.

Ближайшим родом, к которому принадлежит предмет эстетической науки, является не совокупность вещей, не какие-либо «объективные данности», а совершаемые нами акты постижения, понимания. Име-

ется языковая трудность в краткой характеристике (предикации) этих актов: называть ли их субъективными, психическими, душевными, ментальными – все эти определители отягощены семантическими корреляциями и наслоениями. С некоторой долей условности можно остановиться на слове «ментальный». Итак, речь идет о ментальных актах, причем не любых, а об оценивающих актах в их отличии от познавательных актов. Значит, ближайший род – оценивающие ментальные акты. Видовое отличие определяемого нами понятия заключается в том, что мы отличаем вкусовые оценивающие акты от смысловых.

Заключение. Исходя из вышесказанного, мы констатируем, что предметом эстетической науки являются акты вкусового оценивания (чего бы то ни было). Иначе говоря, эстетика – это философская наука о ментальных актах вкусового оценивания.

Сформулировав это определение, мы достигли важнейшей цели данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – М.: Искусство, 1964. – Т. 2. – 835 с.
2. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 3: Критика чистого разума. – 741 с.
3. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8: Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия. – 718 с.
4. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4: Прологомены. Основоположения метафизики нравов. Метафизические начала естествознания. Критика практического разума. – 630 с.
5. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 5: Критика способности суждения. – 414 с.
6. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. – Т. XII: Лекции по эстетике. Книга первая. – 471 с.
7. Маньковская, Н. Б. Хронологические этапы развития неклассического эстетического сознания / Н. Б. Маньковская // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 68–89.
8. Маньковская, Н. Б. Саморефлексия неклассической эстетики / Н. Б. Маньковская // Эстетика на переломе культурных традиций. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 5–24.
9. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – 477 с.
10. Столович, Л. Н. Эстетика / Л. Н. Столович // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – С. 698–699.
11. Титаренко, И. Н. Эстетика: учебное пособие / И. Н. Титаренко. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 225 с.
12. Кривцун, О. А. Эстетика: учеб. для вузов / О. А. Кривцун. – М.: Аспект-пресс, 1998. – 429 с.
13. Каган, М. С. Эстетика как философская наука / М. С. Каган. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
14. Самохвалова, В. И. К пониманию эстетики как науки в современном контексте / В. И. Самохвалова // Ориентиры... Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 6–25.
15. Бычков, В. В. Проблемы и «болевы́е точки» современной эстетики // В. В. Бычков // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 3–37.
16. Бычков, В. В. Эстетика: учебник / В. В. Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
17. Буткевич, О. В. Красота: Природа. Сущность. Формы / О. В. Буткевич. – 2-е изд. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 438 с.
18. Бычков, В. В. Эстетика / В. В. Бычков, О. В. Бычков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. IV. – С. 456–466.
19. Боров, Ю. Б. Эстетика: учебник / Ю. Б. Боров. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.
20. Столович, Л. Н. Философия красоты / Л. Н. Столович. – М.: Политиздат, 1978. – 118 с.
21. Гулыга, А. В. Примечания / А. В. Гулыга // Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 5. – С. 386–398.
22. Мукарежовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукарежовский / Пер. с чешск. – М.: Искусство, 1994. – 606 с.
23. Лосев, А. Ф. История эстетических категорий / А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1965. – 374 с.
24. Хюбнер, Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Бенно Хюбнер; пер. с нем. А. Б. Демидов. – Минск: Экономпресс, 2006. – 384 с.

Поступила в редакцию 05.01.2011 г.